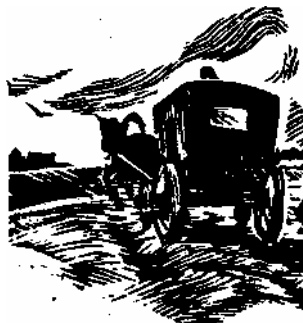

Валерий Кузнецов

Я ПОСЕТИЛ МЕСТА...

Писатели-классики в Оренбургском крае

ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ

Калуга - 1995

26.89 /2P344./

К 89

Художник Дмитрий Лемко

К89

Кузнецов В. Н.

Я посетил места...: Писатели-классики в Оренбургском крае. — Калуга: Золотая аллея, 1995. — 40 с.

Новая книга оренбургского поэта и критика Валерия Кузнецова — подарок всем любителям русской словесности. Но прежде всего она обращена к юношеству учащимся школ и студентам. Именно молодому читателю так важно сегодня прикинуться к родникам и истокам русской духовности, корням и гнездам великой культуры России.

Автор рассказывает о нерасторжимых связях выдающихся писателей А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова, Г. Р. Державина, В. И. Даля, А. Н. Плещеева, Н. М. Карамзина, Г. Г. Шевченко, В. А. Жуковского, Л. Н. Толстого с Оренбургской землей, вдохновившей их на великие творения.

ISBN 5-7 111-0229-X

© В. Н. Кузнецов, 1995

© "Золотая аллея", 1995, оформление

СОДЕРЖАНИЕ

"Я ПОСЕТИЛ МЕСТА..."

СВИДАНИЕ С ПЫЛАЮЩЕЙ ЭПОХОЙ

ПОДВИГ ДАЛЯ

"ВЫСОКИЙ ПРИМЕР КАРАМЗИНА..."

"СЧИТАЮ В ССЫЛКЕ ДНИ И НОЧИ..."

"УХОЖУ Я В МИР ПРИРОДЫ..."

"УМОМ ГРОМАМ ПОВЕЛЕВАЮ..."

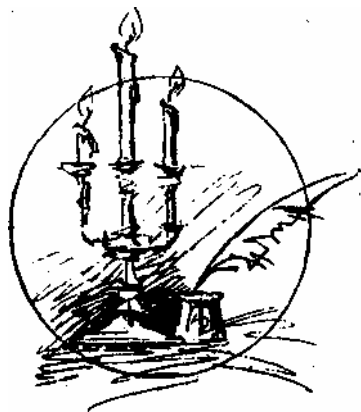
"В БОРЕНЬЯХ С ТРУДНОСТЬЮ СИЛАЧ НЕОБЫЧАЙНЫЙ"

БЕЗ СТРАХА И СОМНЕНИЯ

ОРЕНБУРГСКИЙ ЛОМОНОСОВ

"...ОПЯТЬ ВОЗРОЖДАЮСЬ К ЖИЗНИ..."

Примечания

*Светлой памяти подвижника
литературного краеведения в Оренбурге,
критика и литературоведа, автора книги
"Писатели-классики в Оренбургском крае"
Николая Ефимовича Прянишникова*

"Я ПОСЕТИЛ МЕСТА..."

Естественно и уместно озаглавить эти заметки о пребывании писателей классиков в Оренбургском крае словами публикации в журнале "Современник" собирателя отечественной культуры — Пушкина — после его поездки на Волгу и Урал: "Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мной описанной, поверяя мертвые документы словами ещё живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикой".

Культура жива эстафетой духа, знания и таланта. Не случайно в своей "Истории Пугачёва" Пушкин приводит имена "академика Рычкова" и Державина — "оренбургский Ломоносов" и поэт величия России своим глубочайшим проникновением в жизнь приготавливали культурное пространство края для дальнейшего освоения. Пушкина вдохновляет "высокий пример Карамзина" — у этого феноменального деятеля российского просвещения учился поэт ясному пониманию целей просвещения.

Творческая школа Пушкина и его художественные открытия во многом обусловили появление прозы С. Т. Аксакова, в которой, по утверждению выдающегося мыслителя и поэта А. С. Хомякова, "русский писанный язык сделал шаг вперед даже после Пушкина и Гоголя".

Кстати, имя Алексея Степановича Хомякова (1804-1860), многие годы замалчиваемое ревнителями вульгарной социологии, имеет прямое отношение к нашему краю. Вместе с В. И. Далем Хомяков участвовал в неудачном Хивинском походе (1839-1840) под командованием оренбургского военного губернатора В. А. Перовского.

Личность этого просвещенного военного администратора, дважды (1833-1842 и 1851-1857 гг.) управлявшего краем, вобрала в себя, кажется, все противоречия своего времени.

Участник тайного декабристского военного общества "Союз благоденствия" в 1817-1818 гг., на всю жизнь вынесший из юности независимость и широту суждений, друг Жуковского, Пушкина, Карла и Александра Брюлловых, покровитель всего талантливого, что попадало в сферу его внимания (исключение — Т. Г. Шевченко), блестящий стилист, собиратель уникальной библиотеки в Оренбурге, строитель уникального Караван-Сарая и председатель Военно-судной комиссии по делу петрашевцев в 1849 году. Суд под его председательством приговорил к смертной казни (замененной каторгой и ссылкой) Достоевского, поэта Плещеева и других.

Чиновника особых поручений, магистра исторических наук, члена-корреспондента Академии наук В. В. Григорьева Перовский назначает на одну из высших должностей в городе-крепости — председателем оренбургской пограничной комиссии. Благодаря этому круто меняется судьба ссыльного. А. Н. Плещеева, отличившегося при штурме кокандской крепости Ак-Мечеть, — с ведома Перовского он становится столоначальником пограничной комиссии.

После 1862 года, когда В. В. Григорьев уехал из Оренбурга, он — доктор восточной словесности на кафедре истории Петербургского университета, редактор "Правительственного вестника", начальник могущественного Главного управления по

делам печати. Знакомый с В. В. Григорьевым Достоевский не только "с особенным удовольствием беседовал" с ним, но и испытал влияние его убеждений и знания жизни.

В. В. Григорьев — один из высших государственных идеологов — писал: "... талант первозрядный не только в отечественной, но и в европейской литературе, как по силе художественного творчества, так и по глубине психического анализа". Главный цензор России не однажды спасал от ареста журнал Салтыкова-Щедрина "Отечественные записки", где сотрудничал Плещеев.

Но вернемся к Далю и к Пушкину. Думается, что "Капитанская дочка" и "История Пугачева", а позже этнографическая феерия прозы Даля художественно "искушали" С. Т. Аксакова дать наконец форму таймому с детства и отрочества избытку жизни. Не хватало внешнего толчка, побудительной причины.

Такой причиной стал для С. Т. Аксакова совет Гоголя написать историю своей жизни. Так появились "Семейная хроника" и "Детские годы Багрова-внука"..

Оренбург, населенный выходцами из двадцати российских губерний, казахский степей, Средней Азии и европейских государств, был кипящим базаром говоров и языков, обычаев, одежды, товаров. После творческого пребывания здесь Татищева, Рычкова, Пушкина, Даля, Аксакова он стал своеобразной "литературной Меккой". Как черный камень Каабы — паломников, многих влекут сюда тайны художественной прелести "Капитанской дочки", негасимого мягкого света аксаковского "аленького цветочка".

Именно в Оренбург едет в 1861 году, спасаясь от жизненных тупиков, выдающийся критик и поэт Аполлон Александрович Григорьев (1822-1864) — человек и художник мучительных контрастов. Накануне отъезда сюда он писал: "Сергей Тимофеевич Аксаков кончил свое поприще... высокой эпопеей о Степане Багрове, Записками об охоте, уженье, детских годах, в которых во всех являлся великим и простым поэтом природы, и умирающею рукою писал гимн освобождения от векового крепостного рабства — великого народа, любимого им всеми силами его широкой, святой и простой души".

Помня эстетическое восхищение повестью "Детские годы Багрова-внука", именно самарские степи выбирает Лев Николаевич Толстой местом физического и нравственного отдохновения. Здесь мы вынуждены вернуться к уже обозреваемой фигуре, как это часто бывает в жизни. В середине семидесятых годов после очередной поездки в Оренбургский край Л. Н. Толстой задумывает исторический роман "Декабристы" с главным действующим лицом В. А. Перовским.

Давно, в 1857 году, скончался прототип будущего героя романа. Среди тех, кто хоронил его в Алушке, был его племянник по родной сестре Алексей Константинович Толстой. Поэт, будущий автор романа "Князь Серебряный" Алексей Толстой был воспитанником родного брата Василия Алексеевича Перовского — Алексея Алексеевича, писателя, публиковавшегося под псевдонимом Антоний Погорельский, автора хрестоматийной сказки "Черная Курица, или Подземные жители".

В 1841 году Алексей Толстой был в гостях у Василия Алексеевича, который свозил его на так называемую летнюю кочевку на речке Белгуш (недалеко от села Петровское Саракташского района). Под впечатлением от прекрасных мест, от охоты за рекой Уралом молодой поэт написал поэму в прозе "Два дня в киргизской степи". Этот очерк стал его первой публикацией.

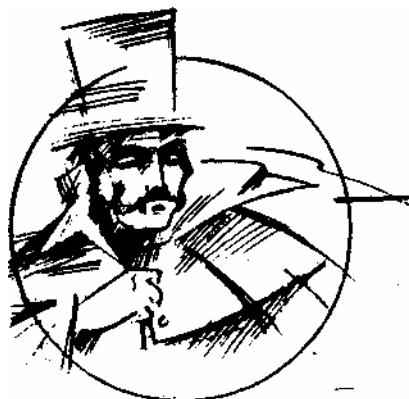
В том же году, готовясь к отъезду из Оренбурга, В. А. Перовский рекомендует брату Льву Алексеевичу, товарищу (заместителю) министра внутренних дел, принять на службу В. И. Даля, деловые и творческие способности которого очень ценил. В 1843 году, став министром, Лев Алексеевич поручил Далю заведование особой канцелярией министерства. Так были созданы условия для титанической работы — составления "Толкового словаря живого великорусского языка". В 1860 году, закончив работу над словарем, Даль из Петербурга приехал в Москву для отчета на заседании Общества любителей Российской словесности. Его председатель А. С. Хомяков и другие "горячо и настойчиво отозвались на это... и тотчас же предложено было, не откладывая дела, найти

средства на издание словаря". Так сходятся у полюсов силовые линии культуры.

Роман "Декабристы" не был закончен, но личность Перовского и его время, подобно времени Крестьянской войны, "обречены" на художественный интерес.

Подтверждением этому — серия очерков В. Г. Короленко (1853-1921) "У казаков" (1901 г.), роман Н. И. Анова (1891-1980) "Ак-Мечеть" (1948 г.) и многое другое.

Продолжается эстафета культуры...

СВИДАНИЕ

С ПЫЛАЮЩЕЙ

ЭПОХОЙ

Зима 1832 года... Александр Сергеевич Пушкин "с жаром, почти со страстью", как говорит его биограф П. В. Анненков, собирает материалы к истории Петра I. Но не только время Петра оживляют архивные документы. 58 лет назад на московских заставах палачи развеяли пепел сожженных Пугачева и его ближайших сподвижников. На всех картах повелением Екатерины II древнее название реки Яик заменили на Урал, а яицких казаков переименовали в уральских.

Зимой 1833 года Пушкин, получивший диплом члена Российской Академии, продолжает накапливать свидетельства о драматической эпохе и о "моём герое" Пугачёве. Вызревает мысль самому увидеть места кровопролитных событий. В конце февраля в письме к П. В. Нащокину вырывается: "Путешествие нужно мне нравственно и физически".

В середине августа поэт начинает долгожданную кочевую жизнь: Нижний Новгород, Казань, Симбирск... У Самары переправа через Волгу, дальше Бузулук, Тоцкая, Сорочинская, Новосергиевская, Переволоцкая, Татищева.

В Оренбурге, до которого "насилу доехал" 18 сентября (*по старому стилю. - В. К.*), путешественника встретил его знакомый — только что принявший край военный губернатор В. А. Перовский, друг Жуковского.

Вот как вспоминал о тех днях В. И. Даль: "Пушкин прибыл нежданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора... а на другой день перевез я его оттуда к себе, ездил с ним в историческую бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьях (Форштадте), куда Пугачёв поднял было пушку, чтобы обстреливать город, — на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачёву..."

Заходили они и в уездное училище, о чём позже рассказал один из его учащихся, казачий генерал-майор И. В. Чернов в своих "Записках".

Даль продолжает: "В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову (*директору Неплюевского военного училища. Ныне на этом месте дом № 13 по ул. Ленинской. — В. К.*)... В предбаннике расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошёл, упрашивая Пушкина ради первого знакомства откусать пива или мёду. Пушкин старался быть крайне любезным со своим хозяином и, глядя на расписанный предбанник, завёл речь об охоте".

Артюхов сопровождал гостя и в Бердскую слободу. Даль сообщает: "По пути в

Берды Пушкин рассказывал мне, чем он занят теперь, что ещё намерен и надеется сделать... Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме "деписания" о нём, создаст и художественное "в память его" произведение..." В Бердах "...мы отыскиали старуху (*Ирину Афанасьевну Бунтову*. — В. К.), которая знала, видела и помнила Пугачёва. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец (*изба казака Константина Ситникова на бывшей Большой улице, превращенная в ставку Пугачёва. Ныне на этом месте дом Смолиных*. — В. К.)... указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугачёва, зашитый в рубаху... Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец". Поэт записал рассказы и песни Бунтовой и других бердинских казачек.

В оренбургских поездках Даль был для Пушкина идеальным собеседником. Их объединяло главное: внимание к народной жизни, к стихии народного языка, органичный для обоих жанр сказки. Ещё за год до оренбургской поездки, получив только что вышедшие "Русские сказки" Даля, поэт отдался рукописью своей сказки, подписав её: "Твоя от твоих. Сказочнику Казаку Луганскому (*псевдоним Даля*. — В. К.) сказочник Александр Пушкин". Позже Даль опубликовал, указав источник, рассказанную поэтом во время их поездки в Берды сказку "О Георгии храбром и о волке". Не исключено, что именно Даль сообщил в те же дни Пушкину сказку об орле и вороне, которую в "Капитанской дочке" Пугачёв рассказывает Гринёву.

Гений словно сгущает вокруг себя действительность, выявляет её внутренние противоречия. Наутро после второй — и последней. — ночи в доме Перовского и в Оренбурге хозяин, смеясь, показал гостю только что полученное письмо от нижегородского губернатора Бутурлина: "У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о пугачёвском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях... Я почёл долгом посоветовать, чтобы Вы были поосторожнее". Вернувшись из Оренбурга, Пушкин подарил этот сюжет Гоголю для его будущего "Ревизора".

Побеги нашей современности — в будущем, но корни — в истории. В Бердах и поныне живут родственники пушкинской собеседницы И. А. Бунтовой. А на месте Бердской церкви, где была найдена запись о её смерти, ныне — школа № 14 с устроенным руками ребят а энтузиастов-преподавателей музеем Крестьянской войны.

Откроем страницы "Капитанской дочки": "Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга". Художественное произведение — не географический атлас, и всё же документальная основа повести должна была держать её создателя в пределах реального. Примерно настолько отстоит от Оренбурга бывшая крепость, а ныне село Татищево.

Крепость — свидетельница первого крупного успеха, потом — тяжелейшего поражения повстанческих сил Пугачёва.

В четырёх километрах от села на бывшем почтовом тракте Самара-Оренбург — мощный трёхарочный мост через высохшее русло. С художественным изяществом выполнена кирпичная кладка, из дикого камня сложены опоры моста. Здесь проезжала пушкинская коляска...

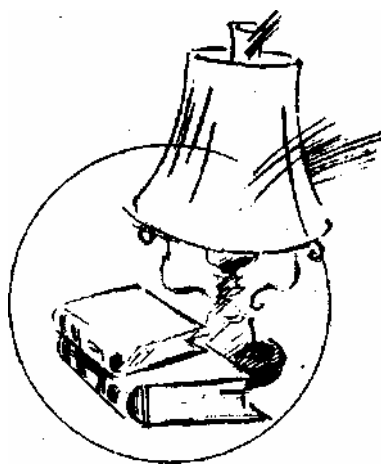
Приметы Белогорской крепости, скорее всего, собраны Пушкиным со всех увиденных крепостей линейной дистанции. А название своё она получила от "Белых гор", возникающих как мираж, в шести километрах северо-западнее села Чесноковки. Вид закатных бело-розовых увалов не мог не отложиться в цепкой художественной памяти поэта и естественно всплыл во время работы над рукописью "Капитанской дочки".

По дороге к Уральску Пушкин останавливался в Нижнеозёрной — родине своей собеседницы Бунтовой. Кажется, самой природой уготовано здесь место для неприступной "фортеции". Мысом из красного песчаника с двадцатиметровым обрывом

село круто выгибает течение Урала.

Рассказы и песни, сведения, переданные Пушкину нижеозёрными казаками и казачками, во многом помогли ему почувствовать колорит времени, осмыслить народный взгляд на события Крестьянской войны.

Чтобы за сутки проделать путь от Оренбурга до Уральска, останавливаясь в станицах, меняя лошадей, нужно было, по тем временам, мчаться почти с курьерской скоростью — около 20 километров в час. Впереди была вторая "Болдинская осень": завершение "Истории Пугачёва", создание "Медного всадника", "Анджело", "Сказки о рыбаке и рыбке", "Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях", хрестоматийной элегии "Осень" ("Октябрь уж наступил..."). Пушкин собирался ещё побывать "в степях или над Уралом"...

ПОДВИГ ДАЛЯ

В знойное сухое лето 1833 года после скоропостижной смерти военного губернатора Сухтелена в Оренбург прибыл назначенный на его место генерал-майор В. А. Перовский. Участник Отечественной войны 1812 года и недавней турецкой кампании, где тяжело ранен... На последней был и приехавший вместе с Перовским в Оренбург чиновник особых поручений Владимир Иванович Даль. 32-летний морской офицер и доктор медицины Даль к тому времени был известен и как автор "Русских сказок", изданных под псевдонимом Казак Луганский.

В год отъезда Даля в Петербурге вышло его "Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерала Редигера", вскоре переизданное в Париже. И как в своё время мост, предложенный Далем, спас от гибели корпус, так и "Описание моста" выручило автора "Русских сказок", попавшего из-за них в Третье отделение, — царь вспомнил необыкновенную переправу на Висле. Если к тому же учесть медицинские познания Даля — он практиковал в Петербургском военном госпитале, — можно уверенно сказать, что такой человек был незаменим на глухой окраине империи, известной несовершенством административного устройства.

Отныне при Дале была "охранная грамота", предписывающая всем властям на территории края "...оказывать всякое содействие, по требованию его доставлять все необходимые сведения..." И Даль сполна использовал её в своих тысячеверстных путешествиях верхом по необозримым степям, знакомясь с бытом казачьих станиц, башкирских и казахских кочёвок. Как администратор, врач, историк, писатель и лексикограф.

Ещё в 1819 году записал он первые диалектные слова, а теперь такое поле языка раскинулось перед ним! Наречия выходцев из 20 губерний, заселивших Оренбургский край, просились в записные книжки, и Даль с самозабвением поэта и педантичностью ученого собирал россыпи народного богатства. Так закладывалась основа поистине великого труда — "Толкового словаря живого великорусского языка", а по сути, русской

этнографической энциклопедии, объясняющей 200 тысяч слов, 30 тысяч пословиц и поговорок.

Два имени связано с этим беспримерным трудом: Пушкина, в свой оренбургский приезд убедившего Даля в необходимости "Словаря", и Алексея Степановича Хомякова — глубокого, оригинального поэта, философа, публициста, горячо поддержавшего в 1860 году идею издания "Словаря". Председатель Общества любителей российской словесности Хомяков был товарищем Даля по драматическому Хивинскому походу Перовского.

Энтузиазм исследователя сопровождал Даля до конца дней. Прошло всего несколько месяцев его жизни в Оренбурге, но Пушкину, приехавшему в "полуденные степи", он, как старожил, показывал окрестности, рассказывал о событиях Крестьянской войны. В архиве Даля остались отрывочные записи с его пометкой: "Ещё Пугачёвщина, которую я не успел сообщить Пушкину вовремя".

Было во встречах Даля с Пушкиным в Оренбурге нечто, ускользнувшее от внимания современников и исследователей. Не вспышка ли дружеского чувства, похожего на любовь, — несмотря на "охлажденный" опытом возраст, когда живут больше старыми привязанностями? Чем иначе объяснить, что Даля, случайно оказавшегося в Петербурге, смертельно раненный Пушкин не отпускал от себя в последнюю ночь, продержав его руку в своей? Только ли доверием умиравшего к врачу? Но рядом были опытные врачи — домашний доктор Спасский и дворцовый лейб-медик Аренд. В ту ночь рядом, в соседней комнате были испытанный друг Жуковский, друг юности Вяземский... Умер Пушкин "на руках" у Даля, к Далю были обращены последние слова: "Жизнь кончена!.. Тяжело дышать, давит!"

Случайно ли жена поэта Наталья Николаевна передала Далю, казалось бы, драгоценнейшую для себя реликвию — перстень с изумрудами, пушкинский талисман, а Жуковский — пробитый пулей Дантеса сюртук поэта и одну из пятнадцати его посмертных масок? Прихотливый путь этой маски в Оренбургский краеведческий музей проследили оренбургские краеведы С. А. Попов и Г. С. Журавлев.

Пушкина Даль и Жуковский ещё помянут при оренбургской встрече летом 1837 года...

В 1838 году Даль избран членом-корреспондентом Академии наук, где не могли не учесть организацию им в Оренбурге зоологического музея. Тогда же он пишет учебники ботаники и зоологии, которые издаст в сороковых годах.

Просвещённый сановник В. А. Перовский последовательно проводил в жизнь колонизационную политику самодержавия. Застраивалась и заселялась новая укрепленная линия, спрямившая границу от Орска до Троицка и продолжившая отделение казахов от башкир. Степь раздиралась внутренними противоречиями, междуусобицей султанов-правителей, восстаниями национальной бедноты.

В "особые поручения" Даля входило и разбирательство споров между обитателями степи. О том, как Даль разрешал их, говорит просьба одного из руководителей народных волнений Исатая Тайманова к Перовскому: "Мы живём в постоянном страхе. Пришлите к нам честных чиновников, чтобы провели всенародное расследование. Особенно желаем, чтобы жалобы наши попали к господину подполковнику Далю. Пришлите справедливого Даля!"

Как историк и писатель Даль одним из первых открыл для отечественных и зарубежных читателей быт и яркие характеры неведомых народов южной окраины России. Уже к концу первого года здешнего пребывания он знал казахский и башкирский языки. Сына своего он назвал двойным — с башкирским синонимом — именем Лев-Арслан.

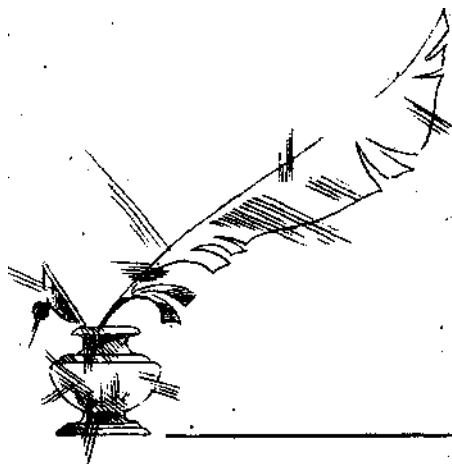
В главной героине своей повести "Бикей и Мауляна", переизданной в Париже, писатель-гуманист увидел оригинальную, резкую красоту, ум, способность к сильному цельному чувству. В повестях и рассказах, написанных на уральском материале, к

сожалению, почти не переиздаваемых и до сих пор не оценённых по достоинству, Даль не только показал богатство национальных характеров и этнографических деталей, но и поставил острые социальные вопросы: "Отчего, скажу прямо, из стольких десятков переменных начальников губерний нет ни одного, о ком бы на месте большинство отзывалось признательно и любовно?.. Сквозь трущобу корысти, бездушной лени, не сознания за собой никакого долга, сквозь целые горы письма не пробьёшься ни снизу, ни сверху..."

Вскоре после Хивинского похода 1839-1840 годов закончился оренбургский период жизни В. И. Даля. Впереди ещё тридцать с лишним лет трудов в Петербурге, Нижнем Новгороде и Москве, участие в учреждении Русского Географического общества, медленное издание "Словаря", потому что "правка такой книги (*более 2800 страниц в четырёх томах, — В. К.*)... тяжела и мешкотна, тем более, для одной пары старых глаз", единогласное избрание в почётные члены Академии наук, присуждение Ломоносовской премии.

Без преувеличения можно сказать, что "Толковый словарь живого великорусского языка" — это своеобразный лексикографический музей Оренбургского края и русского космоса вообще. Слово "подвиг" в нём толкуется как "доблестный поступок, дело или важное, славное деяние". Думается, что более точного определения для всей жизни самого Владимира Ивановича Даля — не найти.

А родился он 22 ноября 1801 года в городе Луганске.

"ВЫСОКИЙ ПРИМЕР КАРАМЗИНА..."

В пятидесяти километрах к северу от Бузулука прихотливо раскинулось село Преображенка. При основании в 1743 году отцом будущего писателя Михаилом Егоровичем Карамзиным, служившим в Оренбурге в звании капитана, деревня, по тогдашнему обычаю, была названа Михайловкой. Получив несколько сот десятин земли, владелец перевёл сюда из Симбирска, уроженцем которого был, крепостных крестьян. Они называли сельцо по-своему, Карамзихой.

После постройки здесь церкви во имя Преображения Господня деревня получила название, дошедшее до наших дней. Разделить бы ей судьбу тысяч неизвестных российских поселений, если бы 12 декабря 1766 года здесь не родился тот, кто составил славу России.

Дата и место рождения Николая Михайловича Карамзина долгие годы были предметом научных споров. Думается, всё же, из всех авторитетных источников естественней оставить личное свидетельство Н. М. Карамзина. О своей "малой родине", называемой в переписке "заволжской, бузулукской или оренбургской деревней", он вспоминал в одном из писем к брату в Симбирск: у 32-летнего Карамзина вдруг всплыли в памяти ни с чем не сравнимые "заволжские метели и вьюги".

Мать Карамзина умерла в Михайловке в 1770 году. Через год "пяtilетнего

мальчика в шёлковом перувьёновом камзольчике с рукавами" уже увидят в Симбирске, куда переехал его отец...

Много ли значат для истории личности первые четыре года жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сказать о феномене Карамзина: его стремительном даже для XVIII века пути к философской и гражданской зрелости. Вот скрытые от внимания потомков его жизненные этапы. Годы домашнего воспитания (под руководством гениального педагога, неизвестного для биографов Карамзина?), удивительное овладение церковнославянским, французским, немецким, позже — латинским, греческим, итальянским, польским языками; потом — учеба в Московском пансионе, с пятнадцати лет служба в петербургском Преображенском полку, откуда выходит в отставку семнадцатилетним поручиком. И наконец, блистательная европейская литературно-философская "доводка, отделка" в московском Дружеском обществе под началом известного просветителя Н. И. Новикова. В 23 года удивительная зрелость реформатора языка и мыслителя — именно в этом возрасте создавались "Письма русского путешественника".

Потрясенный кровавыми событиями французской революции 1789 года, Карамзин в письме из Парижа в апреле 1790 года произносит философский приговор всем революциям как триумфам насилия: "Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция отверстый гроб для добродетели и — самого злодейства... насильственные потрясения губительны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот". И еще: "Новые Республиканцы с порочными сердцами! Разверните Плутарха, и вы услышите от древнего, величайшего, добродетельного Республиканца, Катона, что БЕЗНАЧАЛИЕ ХУЖЕ ВСЯКОЙ ВЛАСТИ!" Отечественная история трагически подтверждает карамзинские афоризмы...

Возвращаясь же к значению первых лет жизни Карамзина, можно с немалым основанием предположить, что для ребёнка, умеющего ТАК учиться у жизни, "заволжские метели и вьюга" стали первым образом громадности России, осознанной позже глобальной поэтической метафорой, лёгшей в основу его идеи "Истории Государства Российского".

Уже в письмах с европейских дорог Карамзин размышляет вслух: "... у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием". Он ещё не пишет своей истории, но уже провидит её "нервные узлы": "Я не смею думать, чтобы у нас в России не много патриотов: но мне кажется, что мы излишне СМИРЕННЫ в мыслях о народном своём достоинстве, — а смирение в полигике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут". В наше время перевернутых понятий уместно напомнить о самом понимании Карамзиным главного предмета размышлений": "Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения — и потому не все люди имеют его".

В 1803 году указом Александра I Карамзин назначен историографом с жалованием по две тысячи рублей ассигнациями в год. Для сравнения, во времена Екатерины II рубль был в восемь раз дороже, чем в 80-е годы XIX века, когда, например, одна овца стоила три с половиной рубля.

Но до высокого назначения Карамзин уже известен как автор НОВОЙ прозы — "Бедная Лиза", "Остров Борнгольм" — принятой "с необыкновенным восторгом". "Красоту языка и чувствительность" отмечает в нём современник Карамзина М. А. Дмитриев.

Романтические читательницы "Бедной Лизы" примеряли на себя — до самоубийства — несчастную судьбу героини.

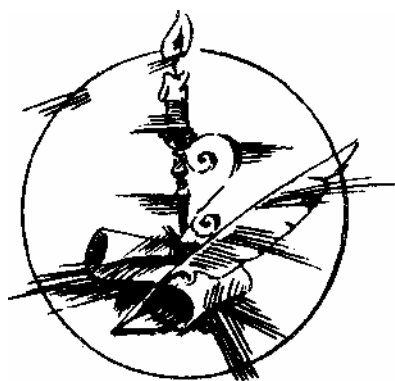
Карамзин отказывается от славы модного литератора и до конца дней "постригается в историки" — взятый на себя труд громаден.

Вот как через пятнадцать лет сообщает о выходе первых томов невиданного издания самый добросовестный очевидец — Пушкин: "Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною... Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов "Русской

истории" Карамзина вышли в свет. Я прочёл их в моей постели с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле". Сравним с ситуацией в конце XX века: сотысячный тираж предпринятого через 170 лет переиздания "Истории" мог быть уверенно увеличен по меньшей мере в десять раз. Это ли не "тоска по истории" наших современников? Дальше — Пушкин: "Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени ни о чем другом не говорили". Да, "История" стала грандиозным явлением русского просвещения. Никогда не забывавший об этом Пушкин писал А. А. Бестужеву: "Ты — да, кажется, Вяземский — один из наших литераторов учатся: все прочие разучаются. Жаль! высокий пример Карамзина должен был их образумить".

...На окраине Преображенки, на высоком открытом берегу бывшего пруда — пронзительно светло. Здесь, по рассказам старожиллов, близ остатков древнего кирпичного дома — людской — стоял двухэтажный брусчатый дом, оштукатуренный снаружи и внутри. Метров двадцать пять в длину и восемь в ширину... В 30-х годах под руководством "двадцатипятидесятничка" Авдеева — председателя организованного им колхоза "Средняя Волга" — дом разобрали и перевезли в Державине, где он вскоре сгорел. Это в его стены бились "заволжские метели и вьюги", взятые Карамзиным в неизбывное наследство. Святое место для каждого мыслящего россиянина...

В 1826 году, оплакивая кончину Карамзина, Жуковский пишет из Дрездена его вдове Катерине Андреевне: "Все уроки земной мудрости, всё, что на земле есть прекрасного, соединяется в горестно-возвышенном чувстве: ОН БЫЛ! Видишь перед собою прекрасную чистую жизнь и утешаешься, возвышаешь себя мыслью, что такая жизнь НА ЗЕМЛЕ ВОЗМОЖНА".

**"СЧИТАЮ
В ССЫЛКЕ ДНИ
И НОЧИ..."**

Он до конца дней запомнил апрельский день 1838 года, когда на квартире великого учителя Карла Павловича Брюллова матерински улыбающийся Василий Андреевич Жуковский вручил ему отпускную. Полтора месяца назад ему, Тарасу Шевченко, исполнилось двадцать четыре. Последний — неужели последний! — день рождения под всеильной рукой Энгельгардта... на сердце, кажется, выцарапана цена этой воли: 2500 рублей. Именно столько выручили на частной лотерее за портрет Жуковского, написанный божественным Брюлловым.

Перед продажей Тарас с какой-то болезненной страстью изучал портрет. На красном фоне мягким, кротко вбирающим взглядом Жуковского на него смотрела... да, Свобода. 2500 рублей!... Но это цена и ему, художнику от Бога Тарасу Шевченко, назначенная Энгельгардтом, "самой крупной свиньёй в торжевских туфлях", как сказал о нём Брюллов. Во всём Тарас был готов винить его: и в раннем своём сиротстве, и в оскорблённости детского сердца насилием жизни. Но за Энгельгардтом стоял "лютый Нерон" — Николай I. Это они продолжали держать в неволе его братьев и сестру. Ни с

тем, пи другим мира у Тараса не будет.

Какой музыкой звучит: "весна освобождения" и как противоестественны слова: "весна неволи"! Арест в Киеве 5 апреля 1847 года (девять лет он дышал воздухом свободы), Петербург, Петропавловская крепость, высочайший приговор: "Художника Шевченка за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одарённого крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус, с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений". Державный цензор Пушкина Николай знал силу подлинного искусства, собственноручно приписывая к приговору: "Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать".

Один из украинских друзей поэта М. Лазаревский вспоминал: "Жандарм привёз его в июне 1847 года, ночью, прямо в ордонансгауз (*канцелярию коменданта. — В. К.*), где Шевченко провёл ночь на голом полу. Утром его принял комендант Лифлянд и отправил... в казармы 3-го Оренбургского линейного батальона. Земляки его тотчас... выпросили к себе на квартиру. Встреча с Шевченко была замечательна: и он, и окружающие его плакали, не знаю, от горя или от радости, что увидели своего родного поэта..."

А в это время решалась его судьба. Военный губернатор генерал Обручев приказал зачислить Шевченко в 5-ый линейный батальон, расквартированный в Орской крепости.

"Дня через три, — продолжает Лазаревский, — его одели в солдатское платье. Когда он примерял брюки и мундир, и шинель, ему представилось всё его будущее, и у него хотела выкатиться слеза, но он сумел удержать свои чувства в казарме".

Об увиденном в те дни, о душевном состоянии Шевченко говорит словами своего героя в повести "Близнецы":

" — А вот и Орская белеет, — сказал ямщик как бы про себя. — Так вот она, знаменитая Орская крепость! — почти проговорил я, и мне сделалось грустно, невыносимо грустно, как будто меня бог знает какое несчастье ожидало в этой крепости, а страшная пустыня, её окружающая, казалась мне разверстою могилой, готовою похоронить меня заживо..."

Переехавши по деревянному, на весьма жидких сваях мостику, мы очутились в крепости. Это обширная площадь, окружённая с трёх сторон каналом аршина в три (*больше 2 метров. — В. К.*) да валом с соразмерною вышиною, а с четвёртой стороны — Уралом. Вот вам и крепость. Недаром её киргизы называют Яман-кала (злая крепость)..." Предчувствия поэта материализовались в майоре Мешкове, батальоном "отце-командире" — он изводил шагистикой и ружейными приёмами. "Гнустно! Отвратительно! — писал Шевченко. — Дождусь ли я тех блаженных дней, когда из памяти моей испарится это нравственное безобразие?"

Но подлинной пыткой был запрет чувствовать себя художником. Боль он доверял дневнику: "Август-язычник, ссылая Назона к диким хеттам, не запретил ему ПИСАТЬ И РИСОВАТЬ. А христианин запретил мне то и другое."

Его знакомый И. Лизогуб каким-то чудом выполняет не просьбу — крик души: "Добрый друг мой, голубь сизый! Пришлите ящичек ваш, где есть вся справа, альбом чистый и хоть одну кисточку Шарриона..." И какие слова благодарности получает в ответ от Шевченко: "Целую ночь не спал, всё разглядывал, любовался, перевёртывал, трижды целую "всякую фарбочку" (краску), да и как их не целовать, не видя целый год. Сегодня воскресенье, на муштру не поведут, день целый буду разглядывать твой подарочек, щедрый и единственный друг мой!"

С поэзией было проще. Стихи он тайно записывал в самодельные книжечки, обёрнутые в кожу. Он прятал их за "халяву" (голенище) сапога. Бисерным почерком он заполнил четыре таких "захалывных книжечки". За год в Орской крепости Шевченко написал поэмы "Княжна" и "Москалёва криница", стихотворения "Сон", "Иржавец", "Козачковскому", "Чернец", "Варнак" и другие.

Через десятилетнюю неволю Шевченко, как мираж, прошла шхуна "Константин"

— гидрографическое судно для обследования берегов Аральского моря. Руководил экспедицией географ, капитан-лейтенант А. И. Бутаков — будущий контр-адмирал. Умный и просвещённый моряк добился у Обручева разрешения использовать Шевченко как художника для целей экспедиции. Почти два года находясь среди молодых моряков и учёных во время исследовательских и камеральных работ на Арале и в Оренбурге, Шевченко, сколько хотел, писал и рисовал. Около семидесяти произведений уместилось в двух "захалавных книжечках", после морских путешествий осталось множество графических и живописных эскизов.

В Оренбурге, в доме Кутиных (ул. 8-го Марта, 33) поэт уже привычно встречался с земляками, он нашёл понимание и поддержку адъютанта всемогущего Обручева К. И. Герна, он ждал добрых перемен: "Считаю в ссылке дни и ночи — и счёт им теряю! О, Господи! Как печально они уплывают!"

Но весна 1850 года готовила другой поворот. По доносу на нарушение "высочайшего повеления" Шевченко возвращают в Орск. После строжайшего расследования, проведённого Третьим отделением, его переводят "на край света" в Новопетровское укрепление (ныне г. Шевченко Казахстана). И в последующее глухое семилетие он нарушает державный запрет: пишет цикл повестей на русском языке: "Близнецы", "Несчастливая" и другие, живописные жанровые сцены из жизни казахов.

Весну 1855 года и весть о смерти Николая I Шевченко встретил как весть об освобождении. Но только через два с лишним года друзья добиваются помилования.

2 августа 1857 года благоволящий к нему комендант Усков выдаёт ему вторую в жизни "вольную".

Созданных в ссылке живописных и графических работ столько, что поклонники в Астрахани устраивают ему выставку! Позволим на мгновение вторгнуться современности. Какие резкие светотени отбросил конец 20-го века на хрестоматийный деспотизм 19-го! Через столетие после Шевченко, отбывая в лагере десятилетний срок за меньшее преступление, А. И. Солженицын и помыслить не мог вынести из зоны хоть клочок бумаги со своими стихами, их пришлось заучивать наизусть... Разрешён въезд в обе столицы. Впереди радость свободы, слава, но силы уже кончались. Умер Шевченко 10 марта 1861 года, через неделю после отмены крепостного права.

**"УХОЖУ Я
В МИР
ПРИРОДЫ..."**

Бывает: далеко от замусоренного и загазованного шоссе, от разрушающих слух индустриальных шумов набредёшь на шелестящую клейкими майскими листьями рощицу, на нехоженую в эту весну полянку, сладко повергнешься наземь, навзничь на яркую траву — поближе к её молодому дыханию, дашь солнечным пятнам ласково скользить по лицу... И эта полянка с первобытно-прекрасными запахами травы и листьев, с тенями, лёгким ветром и высокими облаками вдруг покажется тебе образом творчества Аксакова.

Нет в России другого писателя, как полно и мощно, так ЯЗЫЧЕСКИ связанного с природой. Может быть, прошлое, прозревая будущее, готовило нам его слово, как

надежду на спасение. И если современники не расслышали в его природной гармонии диссонансов, вносимых временем, это нужно учиться делать нам. Пока не поздно...

Сергей Тимофеевич Аксаков родился 1 октября 1791 года в Уфе, но детство, отрочество, первые годы после женитьбы провёл в родовой усадьбе Знаменское к северу от Бугуруслана, "в двадцати пяти верстах от него". В автобиографических повестях Аксакова "Семейная хроника" и "Детские годы Багрова-внука" это село Багрово. Ныне оно носит имя всемирно прославившего его писателя.

Аксаковские места в Оренбуржье — это речка Большой Бугуруслан, протекающая по бывшему усадебному саду с мемориальными Липовой аллеей, древними соснами и ветлой — "современницами" писателя, это пруд, виды на окрестные холмы или "горы", как в его прозе, это буйное весенне-летнее разнотравье, словно глядящее на тебя множеством глаз: это и облака, плывущие над неширокой долиной. Места эти можно назвать "родиной чувств" будущего писателя.

"Семейная хроника" — первая книга дилогии — писалась, вернее, диктовалась из-за подступающей слепоты, когда С. Т. Аксакову было уже за шестьдесят. Какой богатейший пласт впечатлений должен был храниться в запасниках памяти, чтобы через всю жизнь пронести всё благоухание и свежесть детства!

Главнейший герой его книг: и очерковых, как "Записки об ужении рыбы" и "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии", и художественных — видится природа. Не на её фоне, а в ней самой, девственно-роскошной, почти ещё не тронутой человеком — хищным преобразователем с его культом "временных выгод" — разворачивает писатель картины провинциально-дворянской жизни России второй половины XVIII — начала XIX веков.

Аксаковский реализм — его хочется назвать целомудренным — в мягких светотенях раскрывает во многом полярные образы деда, отца, матери, ближайших родственников юного героя. К ним, "светлым и тёмным образам", обращается их создатель в конце "Семейной хроники": "Вы не великие герои, не громкие личности: в тишине и безвестности прошли вы своё земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков". Ясная и мудрая программа человечности...

По-новому увиделась в наши дни "авторская тайна" писателя: отсутствие в его произведениях вымысла как художественного принципа — его "документальные" картины природы волею судеб стали экологическими эталонами, нужными нам уже не для СОСУЩЕСТВОВАНИЯ с природой, а для СПАСЕНИЯ вместе с ней.

Пришло время говорить не только об экологии исчезающего живого мира, но и об экологии наших чувств — самой способности воспринимать этот мир. В своеобразной "Красной книге" нуждается аксаковская щедрость восприятия жизни в её красках, звуках, гармонии представлений. И здесь книги Аксакова — как бы постоянно действующий заповедник этой — другой — жизни. Пройти мимо него, значит, ограбить, унижить свою человечность.

Задумывая "Детские годы...", С. Т. Аксаков обрисовал в эпистолярном черновике свой замысел: "Я желаю написать книгу для детей, какой ещё не было в литературе... Тайна в том, что книга должна быть написана, не подделываясь к детскому возрасту, а как будто для взрослых и чтобы не только не было нравоучения (всего этого дети не любят), но даже намёка на нравственное впечатление и чтоб исполнение было художественно в высшей степени".

Писатель блестяще исполнил свой замысел. Читатели всех возрастов сопереживают детству аксаковского Серёжи Багрова, его нравственной высоте и чистоте.

Прототипом одного из "безмолвных персонажей" аксаковской хроники стал дом деда писателя на берегу Большого Бугуруслана. Это в его стенах, сложенных из мощных сосновых брусьев, разыгрались драмы Багровых. Это с ним связан восторг поэзии

"открытия мира" юным Серёжей. Дом, каждая комната которого изображена писателем как бы под увеличительным стеклом любви и искусства, "получил прописку" не только в сознании отечественного читателя, но и в мировой культуре. И потерей всей культуры стало разрушение дома местными Геростратами в 1962 году.

Классика сама себя возрождает, филиал Бугурусланского краеведческого музея, открытый в 1975 году в бывшей людской, видел "паломников" со всех концов страны.

Аксаковский юбилей — 200-летие со дня рождения писателя 1 октября 1991 года — вошёл в календарь памятных дат ЮНЕСКО. В 1990 году исполком областного Совета народных депутатов в новом составе вынес решение восстановить родовую усадьбу С. Т. Аксакова. К юбилею было намечено закончить общестроительные работы на Доме-музее, водяной мельнице и часовне над захоронением отца, матери и брата писателя.

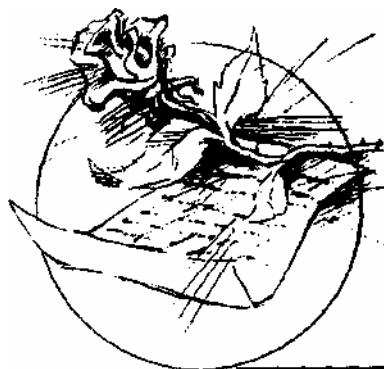
В местах, теперь уже навсегда притягивающих тайной прекрасного, появляется на прежнем фундаменте Дом, где впервые расцвёл в детской фантазии "аленький цветочек" из сказки, рассказанной ключницей Палагеей. Из окон этого Дома, перенесённые "эффектом присутствия" в начало XIX века, мы можем посмотреть на мир глазами Серёжи Багрова, который умел видеть и чувствовать жизнь как дар и как радость.

В 1950 году М. М. Пришвин записал в своём "Дневнике": "Читаю глубоким чтением Аксакова, и мне открывается в этой книге жизнь моя собственная. Вот счастливый писатель!" И рядом: "Аксаков — это наш Гомер". Остановиться на час, на день, может, на неделю в нашей гонке в "великое бессмысленное ничто", открыть "не модного" Аксакова... Можно начать с эпиграфа к "Запискам об уженье рыбы":

Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И — в свои молодые годы.

В письме к сыну Ивану Сергей Тимофеевич сообщает: "Детские годы" я кончил, работал ровно 8 месяцев... Я сам знаю, что много в нём есть такого, что выше всего написанного мною. Я много положил... души, не знаю, почувствуют ли это читатели?"

Ответ на этот вопрос — у каждого из нас...

"УМОМ

ГРОМАМ

ПОВЕЛЕВАЮ..."

Серая асфальтовая лента шоссе Бузулук—Бугуруслан, того самого, что ведёт в Преображенку к Карамзину, потом в Державино, а там, если есть время и колёса — и к Аксакову...

Зелёные всех оттенков пространства полей между лесополосами, гигантские холсты ярко-желтого рапса, высвеченного предгрозовым солнцем; блекло-синее небо с

бело-серыми облаками. Зелёное и голубое — два заглавных цвета обнимают душу...

Между поворотами — правым — в Преображенку и левым в Державино — асфальт стелится по широкому логу, густо заросшему высокими дубами. Так высоки и густы деревья, так узка дорожная просека, что из солнечного дня вдруг въезжаешь в сумерки.

Они всплывают сами около этих мест — хочешь ты или нет — строки, впитанные, кажется, с молоком матери: "И дым Отечества нам сладок и приятен..." Только через много лет после школы узнаёшь, что Грибоедов лишь повторил, переставив державинские удивительные слова: "Отечества и дым нам сладок и приятен".

Медленно открываются тяжёлые церковные двери. С массивных сводов эпически отрешённо смотрят на нас большие — больше человеческого роста — библейские и исторические персонажи. Вот великая княгиня Ольга, великий князь Александр Невский — святые устроители и защитники русской земли. Живопись больше светская, чем церковная...

Откроем XIX том Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: "Село Державино, Смоленское то ж, Самарской губернии (*административное деление на 1893 год.* — В. К.) Бузулукского уезда, принадлежало Г. Р. Державину, в 1798 году построившему здесь церковь, в которой замечательные образа, писанные в Академии художеств". Увы, давно нет тех образов, созданных в той Академии — "высшем учреждении в области пластических искусств в России", как свидетельствует современная энциклопедия. Но, если были здесь "замечательные образа", то есть иконы, могли быть и "замечательные" настенные росписи, к концу прошлого века записанные позднейшим художником.

Пусть даже специальное исследование покажет: нет на этих стенах и сводах написанных шедевров — и что же? Державинская церковь уникальна уже тем, что она одна из самых старых церквей нашего края, не нажившего древней истории; что проект её безусловно "утверждался" великим поэтом, да и место для неё он должен был выбирать сам.

В своих "Записках" от третьего лица сам поэт сообщает, что "Гавриил Романович Державин родился в Казани от благородных родителей, в 1743 году июля 3 числа" (*14 июля по новому стилю.* — В. К.) и с шести до одиннадцати лет жил и учился в Оренбурге, где служил его отец, армейский офицер. Однако исследователь творчества Державина П. Паламарчук уточняет: "не в самой Казани, а в одной из казанских деревень, принадлежащих его матери: Сокуры или Кармачи. Отец его... и мать... были похоронены возле церкви села Егорьева, в приходе которой состояли эти две деревни вместе с образовавшейся впоследствии третьей, называвшейся Державино".

Оренбургские впечатления не могли пройти мимо жизни поэта. Это шесть детских и отроческих, "самых впитывающих" лет, прибавим сюда наезды в годы первых стихотворных опытов. Одно из таких посещений едва не стоило ему жизни. Летом 1763 года на случайной охоте под Сорочинской крепостью Державина ранил дикий кабан. Раненого лечили в Оренбурге "недель с шесть".

Многое перевернуло в сознании гвардии прапорщика Державина участие в Крестьянской войне. Грозные события прошли и по нему самому: он был "почти два раза в руках Пугачёва", "лишился всего собственною... имущества в Оренбургском уезде и в Казани", и "даже мать... претерпела злодейский плен". К чести поэта нужно сказать, что из участия в военных действиях (от главнокомандующего А. И. Бибикова он получил приказ захватить самого Пугачёва) он вынес объективное мнение о причинах бунта. Как он писал к казанскому губернатору, "надобно остановить грабительство, или чтобы сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощает людей". Можно сказать, что Крестьянская война довершила его гражданское формирование.

Странно, но это так: гений Державина, отмеченный Пушкиным, скрыт пока за семью печатями нашего равнодушия к культуре народа. "Не следует забывать, — пишет

П. Паламарчук, — что именно Державин первым представил успехи российской словесности другим народам: мировое значение его засвидетельствовано многочисленными переводами. Так, великолепная ода "Бог" перелагалась ещё при жизни автора не только практически на все европейские, но даже и на древние — как древнегреческий, а также на восточные языки, и нередко по нескольку раз". В "Записках" адмирала В. М. Головина, сообщает гот же исследователь, повествуется о том, что пленный Головин читал вначале хозяину — ... японцу — наизусть эту поэму, затем по его просьбе она была переведена, написана "кистью на длинном куске белого атласа" и отправлена к японскому императору, чтобы быть "выставленной на стене в его чертогах наподобие картины".

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!

Действительно, ода "Бог", может быть, наиболее характерна для творчества Державина, этого титана русского Возрождения. Как поэт он во многом продолжает оставаться загадкой, его Планетарное мышление ещё ждёт своих исследователей.

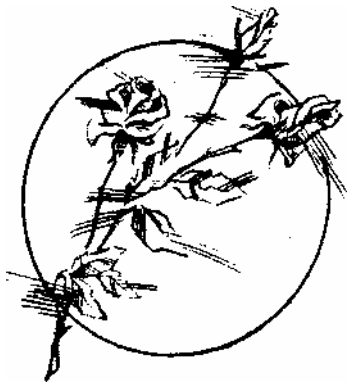
Образы, заложенные в классике, созвучны всем эпохам. Великий русский поэт из татарского рода Багрима — что может более объединять в наше национально-взрывное время?

Жаль, не сохранилась на земле колхоза "Октябрь" державинская усадьба... За год до своей отставки и смерти в 1754 году отец поэта Роман Николаевич получил во владение село Смоленское по реке Кутулуку. В автобиографических "Записках" Г. Р. Державин вспоминал: "... мать осталась с двумя сыновьями и с дочерью одного года в крайнем сиротстве и бедности; даже 15 р. долгу, после отца оставшегося, заплатить нечем было".

В "оренбургскую деревню", так называл поэт Смоленское, он наезжал, иногда гостя по нескольку месяцев, в 1754, 1763, 1767, 1773, 1784 годах — до смерти матери Фёклы Андреевны, владелицы деревни, жившей в Казани. Поэт, в свою очередь, владел селом до своей смерти в 1816 году. Его завещания, в котором владелец "сделал распоряжение относительно свободы его крестьян", Александр I не утвердил.

Жаркий полдень... Ветер несёт вместе с прохладой вольные запахи полыни и чабреца. С юго-запада от ровного горизонта, поросшего щетками лесов, спускается к невидимой из-за ветел ниточке, Кутулуку, его пологая равнина. На северо-востоке горизонт взбугривается холмами, переходит в Колочную гору, через овражистую долину взбирается к Лисьей горе, чтобы разбежаться по безымянным шиханам. Только и остались от державинских времен этот ветер, насыщенный свежестью трав, вечный абрис холмов, да тоненький Кутулук как символ быстротечной памяти... И в солнечных пылинках под куполом державинской церкви остался — сладкий дым Отечества, завещанный поэтом. В 1990 году державинский храм Знамени передан верующим.

**"В БОРЕНЬЯХ
С ТРУДНОСТЬЮ
СИЛАЧ
НЕОБЫЧАЙНЫЙ"**

"В бореньях с трудностью силач необычайный", — так дважды в своих письмах повторяет Пушкин, имея в виду Василия Андреевича Жуковского — поэтическую "кормилицу нашу", по его определению. И шутливым, обязательным в дружеском обществе "Арзамас" прозвищем Жуковского было СВЕТЛАНА — не только по одноименной балладе, но по мягкости ещё, по светоносности самой личности поэта,

Судьба навсегда свела их. Запись в лицейском дневнике Пушкина в ноябре 1815 года: "Жуковский дарит мне свои стихотворенья". Великий Жуковский — неизвестному лицеисту... Разгадка проста. В том же году автор "Светланы" делится необычайной радостью с поэтом Петром Вяземским: "Я сделал ещё приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным... нам всем надо соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт".

Через десять лет Пушкин, блестяще оправдавший предвидение Жуковского, чётко обозначает его место на русском Парнасе: "Я не следствие, а точно ученик его и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду просёлочной. Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его".

Девятого февраля 1837 года в скорбной квартире на Мойке Жуковский и Даль приняли последний вздох Пушкина. До конца дней Жуковский берёт и отстаивал память своего великого современника и друга.

Есть странные совпадения: день гибели Пушкина был днём рождения Жуковского, родился Василий Андреевич в 1783 году. Широко мыслящий, европейски образованный поэт никогда не забывал своей Оки, родного Мишенского близ старинного Белёва в Тульской губернии. Среди его рисунков, а он был хорошим рисовальщиком — сохранился вид уютной поднимающейся в гору окраинной улицы Белёва. Но слишком большая дорога уводила из города детства.

"Необыкновенный критик", по Баратынскому, Иван Киреевский выделил целую эпоху в литературе XIX века, средоточием которого после Карамзина и до Пушкина "была муза Жуковского".

Характер нашего издания не позволяет полнее проследить отношения Жуковского с Пушкиным, Далем, Шевченко и другими, через которых он как бы опосредованно связан с историей Оренбургского края. Но один из зачинателей русской психологической лирики имеет и прямое отношение к Оренбуржью.

Летом 1837 года, сопровождая наследника — своего воспитанника, будущего Александра II — в его путешествии по России и Западной Европе, Жуковский проехал по необозримым просторам губернии — южной границе Российского государства. От тех дней в архиве поэта остались лишь отрывочные дневниковые записи "для памяти", полностью опубликованные в журнале "Русская старина" за 1902 год. Сейчас, через полтора века, эти короткие назывные фразы приобрели значение, выходящее далеко за рамки этнографии.

На пути из Сибири экспедиция достигла верховьев Урала и мимо казачьих крепостей и станиц двинулась на юг.

Вот запись от 10 июня: "Переезд из Верхнеуральска. Начало степи. Конвой. Спасская крепость. Прекрасное впечатление степи: необъятность, зелень, по всему

пространству пение птиц. Облака. Пост сторожевой. Инвалидные (*старослужащие*, — В. К.) казаки. Магнитная станица (*нынешний Магнитогорск*, — В. К.). Слева отдельные реки за Уралом. Справа за горизонтом голубая гряда гор. Вероятно, Губерлинские горы в большом отдалении; дорога ровная, усыпанная мелким хрящом (*песком с галькой*, — В. К.), Два ряда кольев. Степь, прерываемая возвышениями, покрытыми травой. В одном месте к голым горам примкнуто несколько прекрасных березовых рощ..." "Обедали в Сыртинской с ужасным множеством мух. Ночевали в Таналыкской (*ныне — дно Таналыкского залива Ириклинского водохранилища*, — В. К.) с великим множеством тараканов".

На следующий день: "Переезд из Таналыкской до Ильинской... Кочевье киргизских пастухов. Обедали в Орской крепости. Партии казаков. Дорога вся в порядке... Между Хабаровской и Губерлинской как будто в малом виде большие горы со всеми их деталями. Но ни куста, ни капли воды. Всё покрыто ковылём и пусто. Взволнованная и окаменевшая пустыня. Чудный вид с высокого пункта, который я срисовал".

Продолжение в тот же день: "Переезд из Верхнеозёрной в Оренбург. Крутой спуск при выезде. Степь ровная, но более плодоносная, разнообразие трав... прекрасная дорога но крутому берегу Урала. Приезд в Оренбург в три часа пополудни: тотчас с Далем на берег. Роща за Уралом..." Можно уверенно предположить, что главной темой этих бесед патриарха русской поэзии и великого лексикографа была их общая боль — Пушкин.

Живущий широко просвещенный военный губернатор Василий Алексеевич Перовский сделал всё, чтобы поразить воображение именитых гостей.

13 июня Жуковский внёс в свой дневник детали "экзотических" представлений, устроенных в их честь: "...После обеда азиатский праздник. Киргизское кочевье (кибитка)... Скачки вокруг холма. Скакали лошади некованные и некормленные... Скачки на верблюдах. Пляска башкирская. Борьба башкир с киргизами. Музыка башкирская. Музыкант: курайчи; инструмент: курай — или чебызга. Юрлаучи — певец. Баксы или колдун киргизский; змеи, прыганье на саблю, исступление. Чай в кибитке. Театр в галерее. Возвращение домой и разговор с Далем".

Заметки от 15 и 16 июня напоминают о переезде в Уральск, входивший тогда в состав Оренбургской губернии. Дальше: "17 июня. Переезд из Уральска в Бузулук... Дорога прекрасная. Дождь. Холодный день. Степь сменяется небольшими возвышенностями. Бузулук — бедный город с большой площадью, на которой находятся полуразрушенные присутственные места... Удвоенное население уезда от переселенцев, коих состояние бедственное".

О пути из Бузулука: "Приятная дорога. Богатые поляны, зелёные горы. Дубы и берёзы. Сурковые бугры... Обед в Бугурслане. Живописное местоположение на полугоре на берегу Кинеля..."

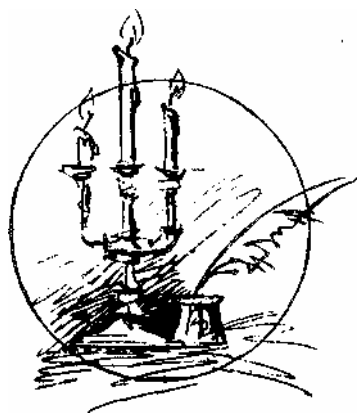
Жители бывшей станицы Ильинской до сих пор показывают краеведам "царскую дорогу". В одном месте путь сжимается между почти отвесной стеной — выходами горных пород — и вытянутым озером. Место это получило название "Перила". Перед проездом державных гостей местные власти обследовали дорогу и нашли это место опасным. Лошади могли понести и опрокинуть карету в воду. Так появилась каменная стена — "перила" полутораметровой высоты. Кое-где от неё остались отдельные камни. Так легко мы растаскиваем по камешку свою историю...

Кроме нескольких десятков рисунков, не осталось художественного отображения увиденного и почувствованного Жуковским в Оренбургском крае. Но уже сами его дорожные записи говорят о силе впечатлений от вольных просторов степи в нору её цветения, от горных ландшафтов "в малом виде" на востоке края, от многочисленную этнографического разнообразия губернии. Все это не могло не питать воображения лирического поэта, не могло не сказаться на его "творческом самочувствии".

Последние двенадцать лет жизни В. А. Жуковский провёл в Германии. Вернуться в Россию не позволяла болезнь жены. Решённому уже было отъезду помешала собственная

полная слепота.

Скончался Жуковский в Баден-Бадене двенадцатого апреля 1852 года. Отпала одна из главных опор "золотого века" русской поэзии.

БЕЗ СТРАХА И СОМНЕНИЯ

Конец декабря 1849 года.. Конец всему... Тихая толпа на Семёновском плацу — уже по ту сторону, там, в жизни, с которой он сейчас должен расстаться. Как и всех, на чтение смертного приговора его оставили лишь в белой рубаше, но холода он не чувствовал, пока кто-то не сказал, словно сквозь сон: "Потрите щеку..."

Он поцеловал подставленный священником серебряный крест, услышал треск переломанной над головой шпаги, увидел, как первых троих — Петрашевского, Момбелли и Григорьева — поставили к столбу для исполнения казни.

Повернувшись, он увидел странно блестящие глаза Фёдора Михайловича. Лицо Достоевского было белее пара от его дыхания. "И душа выйдет, как этот пар..."

Одним порывом они обнялись — они должны были идти следующими...

Плещеев не понял, почему ударили отбой и тех троих отвязали от столба, вернули к ним. Отстранение донесли слова: "...Его императорское величество ... дарует жизнь..."

Да, это была как бы другая жизнь: его, Алексея Николаевича Плещеева из старинного дворянского рода на двадцать пятом году лишили всех прав состояния и в начале 1850-го года зачислили рядовым в батальон Оренбургского отдельного корпуса.

Что ж, дорогу в социалистический кружок Петрашевского и на эшафот он выбрал сам. В своей "марсельезе сороковых годов" он в романтическом восторге призывал:

Вперёд! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Военный губернатор и командир отдельного корпуса В. А. Обручев был ревнителем "парадов и разводов с церемонией". Единственным выходом из идиотизма солдатской муштры было получение офицерского чина. Счастливый случай скоро представился.

В марте 1851 года управление краем снова принял В. А. Перовский. В реестре принятых им дел была и собственная неудача Хивинского похода. В год прибытия в Оренбург кокандцы угнали у "оренбургских" казахов больше 50000 голов скота, почти столько же и накануне, в пятидесятом.

К весне 1853 года Перовский снаряжает шеститысячный отряд пехоты и казаков и выводит его на покорение кокандской крепости Ак-Мечеть (*ныне г. Кзыл-Орда, — В. К.*).

Делами походной канцелярии "секретной экспедиции" заведовал блестяще образованный учёный-востоковед В. В. Григорьев. Перовский, по обыкновению, окружал

себя неординарными сотрудниками.

Им было естественно сойтись здесь в дикой степи — недавнему помощнику редактора журнала министерства внутренних дел Григорьеву и ссыльному поэту Плещееву. После штурма Ак-Мечети оба были награждены: один чином действительного статского советника, другой — спасительным для него чином унтер-офицера, а вскоре и прапорщика. Для Плещеева это была почти свобода.

В начале 1854 года Перовский назначает Григорьева председателем Оренбургской пограничной комиссии, а осенью 1856 на службу туда переводит и Плещеев, уволившийся в отставку. *(Ещё один небезынтересный штрих к вопросу об институтах самодержавия. Это какой-то "разгул" либерализма: через неполные семь лет после смертного приговора государственный преступник становится столоначальником пограничной комиссии — одним из первых лиц в городе-крепости! — В. К.).*

Расставшись с солдатским мундиром, Плещеев возвращается к творчеству. Он не изменяет своему демократически-обличительному направлению:

И возвратился вновь я в скучный город свой
И встретился с давно знакомою толпой.
Всё тех же увидел я чопорных педантов,
Нелепых остряков, честолюбивых франтов:
Прибавилось ещё не много новых лиц;
Прел золотым тельцом лежат, как прежде, ниц,
Всё те же ссоры, сплетни и интриги:
В почёте карты все, и все в опале книги!

Возобновилась переписка с Достоевским (в семидесятых годах они идейно разойдутся), весной 1857 года Плещееву возвращено дворянство, он женится на Е. А. Рудневой — дочери надзирателя соляного рудника в Илецкой Защите (ныне г. Соль-Илецк).

Подводя духовные итоги пребывания в степной ссылке, поэт готовится громко хлопнуть дверью — по следам "Губернских очерков" Салтыкова-Щедрина пишет сатирическую повесть "Пашинцев". Оренбург назван в ней Ухабинском. Один из персонажей повести, местный летописец "неблагоденный" Выжлятников иронизирует над Ухабинском: "Положительным образом, можно сказать, богатый рудник для писателя. Жаль, что не тронут". Повесть была опубликована в "Русском вестнике" за 1859 год, уже после отъезда Плещеева в Москву.

Автор корреспонденции в "Губернских ведомостях" писал: "Оренбург превратился в кабинет для чтения: оренбуржцы читают с увлечением, рассуждают, спорят, осуждают или одобряют прочитанное... "Пашинцев" наделал много шума... "Русский вестник" переходит из рук в руки... поля Плещеевской повести носят заметки и объяснительные надписи для непосвящённых в тайны общественной жизни Оренбурга".

Многие узнали — помогло портретное сходство — своих ближних. "А уж ругают же меня, — писал Плещеев. — Звенигородская *(жена вороватого и предприимчивого откупщика, названного в повести Семёном Васильевичем, — В. К.)* говорит, что от колодника, от ссыльного и ожидать больше нельзя!"

Живущий в Оренбурге сотрудник "Искры" С. Н. Фёдоров в восьмом и девятом номерах этого сатирического журнала за 1860 год опубликовал фельетон, где спародировал гипотетическое письмо к Плещееву выведенных в повести оренбургских обывателей: "Вы обедали у Петра Григорьевича и Григория Федосеевича, пили два раза чай у Ермолая Васильевича. Помимо сего: вы были одолжены пролёткой для делания визитов, ибо на улице стояла грязь, а извозчиков у нас не имеется... Чем же вы заплатили за наше гостеприимство? Чёрной, коварной неблагодарностью, а поэтому мы все, оскорбленные ядовитым поступком вашего сердца, заявляем вам наше глубокое

презрение и призываем на главу вашу анафему!"

Ссылка кончилась. Что же изменили в душевных глубинах поэта его "преступление и наказание"?

Из двух взглядов на народ, отражающих полярные воззрения в идейной борьбе после реформы 1861 года: искать истину в творчески-самодеятельном народе или нести в "косные массы" истины, рожденные вне национальной почвы — Плещеев — "рыцарь без страха и сомнения" остался верен второму, революционно-демократическому взгляду.

Зато коренную ломку мировоззрения пережил Достоевский, на каторге и в арестантских ротах сам на десятилетие ставший одним из народа. Наиболее полно его новые ценности отразились в статье на смерть Некрасова, опубликованной в "Дневнике писателя" за 1877 год. "... Он (Некрасов) преклонялся перед ПРАВДОЙ НАРОДНОЮ. Если не нашёл ничего в своей жизни более достойного любви, как народ, то, стало быть, признал и ИСТИНУ НАРОДНУЮ, И ИСТИНУ В НАРОДЕ, и что истина есть и сохраняется лишь в народе".

Время с убедительностью трагедии показало жизненность для России пути Достоевского, а не Плещеева. Не многим дано заглянуть в будущее и проверить им настоящее. Но уважим "призыв к честному служению обществу":

Да будет, как была, твоя согрета грудь
Любовью к ближнему, любовью к правде вечной.

ОРЕНБУРГСКИЙ ЛОМОНОСОВ

На улице Советской, в историческом "сердце" Оренбурга, скорее всего, неподалёку от места закладки города стоит под № 4 необычный, как бы сутуловатый дом. Одноэтажный, с неожиданными для местной застройки высоким цоколем и потолком, длинным рядом окон, в которые не заглянуть... С бронзового свитка на стене слова: "В этом доме жил и работал первый член-корреспондент Академии наук России, выдающийся исследователь Оренбургского края Пётр Иванович Рычков. 1712-1777 гг."

Жаль, не сохранился и его сельский дом... На областной административной карте 1966 года она ещё есть, Рычковка — между сёлами Чернореченским и Татищевом. Здесь в XVIII веке было не меньше даже, — именице: "пахотной земли до 25 десятин и сеной покос стогов на 30". И здесь до своей отставки в 1761 году жил он со своей женой Алёной Денисьевной, женщиной замечательной.

П. И. Рычков родился 1(12) октября 1712 года в Вологде, в семье купца. В 1720 году семья переехала в Москву, и отец отдал сына на воспитание и в торговую науку к известному предпринимателю директору полотняной фабрики голландцу Иоганну Тамезу.

С 1730 года молодой экономист живёт под Петербургом и "практикуется" на одном из местных заводов. Как знатока бухгалтерии здесь его, скорее всего, и заметил в 1734 году "набирающий команду" начальник оренбургской экспедиции географ Иван Кириллович Кирилов. Так до конца дней Рычков связал свою судьбу с Оренбургским краем.

И после смерти Кирилова в 1737 году Рычкова отличали и приближали главные

основатели и устроители Оренбургского края, выдающиеся деятели России: историк Василий Никитич Татищев, дипломат, основатель Оренбурга и первый оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев.

Бухгалтер, секретарь, потом помощник губернатора, Рычков умел учиться у своих великих работодателей. Прямое участие в строительстве Оренбурга и становление губернии, кропотливое изучение во многом ещё неведомой жизни народов, населяющих громадный край, дали учёному уникальный исходный материал. Он пишет "Историю Оренбургскую..." и главный свой историко-географический труд "Топографию Оренбургскую", завершённую в 1762 году. Её рецензирует Ломоносов. Рычков вспоминал: "Михайло Васильевич Ломоносов, получа первую часть моей "Топографии", письмом своим весьма её расхвалил; дал мне знать, что она всего академического собрания апробована; писал, что приятели и неприятели (употребляю точные его слова) согласились, дабы её напечатать, а карты вырезать на меди..." По предложению Ломоносова Рычкова избирают первым в России членом-корреспондентом Академии наук.

Всё обнимает пытливый дух исследователя, он пишет статьи о земледелии, лесоразведении, содержании пчёл, медных рудах и минералах, об илецких соляных промыслах, о холсте из крапивы и берёзовом соке, о выделке юфтевых кож... Но один из предметов внимания учёного — "Опыт о козьей шерсти" — переходит из теории в практику семьи Рычковых.

Мы не знаем, где впервые связали платок из козьего пуха, но заметили этот необычный промысел и занялись его распространением супруги Рычковы. Это несколько смущает наши школьные представления о прошлом: жена статского советника в долгие зимние вечера... вяжет пуховые платки! В 1770 году на заседании Большого экономического общества Алёне Денисьевне Рычковой вручили золотую медаль "в знак благодарности за оказанное усердие к обществу сообщением как изделий из козьего пуха, так и... холста... из пуха травы кипрейника".

А между тем в крае грозно сгущались тучи Крестьянской войны. Зима 1773-1774 года.. Оренбург осаждён повстанцами Пугачёва. По дороге они "останавливались для обеда на хуторе статского советника Рычкова, где всю его и крестьянскую скотину и живность перерезали, а лошадей и людей с собой забрали, а потом и строения все выжгли". Так писал владелец выжженного хутора.

В осаждённой крепости начинается голод. Жителям ежедневно раздают по норме муку и крупу, отобранные у них же. По совету Рычкова в муку подмешивают размельчённые бычьи и лошадиные кожи. Каждый день кажется последним...

"Положение Оренбурга становилось ужасным", — свидетельствует пушкинская "История Пугачёва". Но каждый из осаждённых знал, что в Бердах, превращенных в ставку Пугачёва, ещё ужаснее. Из той же "Истории": "Бердская слобода была вертепом убийств и распутства. Лагерь полон был офицерских жён и дочерей, отданных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удушенных, четвертованных страдальцев".

Чем же занят в это время оренбургский Нестор? Вот что он писал позже своему другу члену Академии Миллеру: "Во время осады, КОГДА НЕЧЕГО БЫЛО ДЕЛАТЬ (! — В. К.), описал я астраханский бунт Стеньки Разина и его сообщников..." Какое присутствие духа! Не поздоровилось бы летописцу, ворвись пугачёвские "сообщники" в его рабочий кабинет...

Но Рычков пишет и современную хронику "Осады Оренбурга". Воспользовавшись ей, Пушкин напоминает читателям "о любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной учёностью и добросовестностью — достоинствами столь редкими в наше время". Можно добавить: и в наше...

В сентябре 1774 года в письме к Миллеру Рычков сообщает о печали, "которой для меня больше быть не может" — гибели своего сына Андрея, симбирского коменданта, в

стычке с пугачевцами под Корсуном. Какая в этой жалобе цельная и простодушная программа патриотизма человека XVIII столетия: "Кончина его тем хороша, что он жизнь свою положил за отечество..."

Крестьянская война, потрясая основы империи, потребовала лучшего знания жизни населяющих её народов. По предложению правительства Екатерины II Рычков составил "исторические экстракты" о башкирском и киргиз-кайсацком (казахском) народах, получив за эти обзоры громадную, по современным представлениям, "государственную" премию.

Они похожи не только внешне, Ломоносов и Рычков. О каждом из них можно сказать пушкинскими словами: "Жажда науки была сильнейшею стратью сей души, исполненной страстей". Изнемогая от болезней, Рычков заканчивает свой последний труд "Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии".

Двадцатилетняя переписка Рычкова с конференц-секретарём Академии наук Миллером обрывается последним письмом Алёны Денисьевны с трагически-величавыми нотками Ярославны "Слова о полку Игеве". "Милостивый государь Фёдор Иванович. Приятное письмо ваше к любезному вашему другу, Петру Ивановичу, не застало его в живые, ибо, по произволению Божию, к несносному моему мучению, скончался он октября 15 дня, и я осталась теперь со всеми своими детьми в наигорестнейшем состоянии..."

П. И. Рычков похоронен в церкви, выстроенной им в селе Спасском Бугульминского уезда (ныне района) Татарстана.

Труды его вполне оценены зарубежными учёными. В 1784 году в Берлине издана XXX часть Экономической энциклопедии с его гравированным портретом. На могиле же его в Спасском до сих пор нет ни памятника, ни надписи.

**"...ОПЯТЬ
ВОЗРОЖДАЮСЬ
К ЖИЗНИ..."**

Самое сложное в любой биографической попытке — это объяснение выбора пути между стечением жизненных обстоятельств и свободной волей интересующей нас личности. Почему известный писатель оставляет помещичий дом с устроенным бытом и срывается не только "в деревню, в глушь, в Саратов", а ещё дальше, на край света, в совсем не обжитые места? Мы не знаем. Но мы можем вспомнить, что предшествовало поездке Льва Николаевича Толстого, а речь именно о нём, в Оренбургский край в мае 1862 года.

Вот эти обстоятельства.

Осенью 1862 года умирает брат Николай. Смерть Николеньки, "одного из лучших людей, которых я видел в жизни", потрясла Льва Николаевича. Его одолевают мысли о бессмысленности жизни и искусства — "прекрасной лжи".

Единственное, что привязывает его к жизни — это организованная им школа для крестьянских детей в своём имении "Ясная поляна".

Его интересуют практические результаты акта освобождения крестьян весной 1861

года. Он не скрывает критического отношения к освободительному манифесту, в котором "мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим". Он начинает "роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист". Он серьёзно, до вызова на дуэль, ссорится с Тургеневым. Пишет повесть "Казачки", считает, что как и Николенька, болеет чахоткой. Берётся за работу мирового посредника в своём уезде и — устаёт от разбора тяжб между помещиками и крестьянами. Ищет отдыха, лечения. Врачи советуют ехать на кумыс. Но, может быть, сюжет толстовской поездки сложился бы совсем по-другому, если бы в начале 1857 года он на протяжении шести дней не слушал в московской квартире Аксаковых чтения рукописи повести "Детские года Багрова-внука". В "Дневнике" он запишет: "Детство" прелестно!" Думается, именно тогда образ "уголка обетованного", образ первозданной свежести и полноты жизни поразил воображение писателя и определил для него выбор в трудную весну шестьдесят второго.

Уже на пароходе — из Твери в Самару — в "Дневнике" Толстого появляется запись: "Как будто опять возрождаюсь к жизни и к сознанию её... Мысль о ничтожности прогресса преследует".

В этой первой поездке Льва Николаевича сопровождали два ученика яснополянской школы. Один из них, Василий Морозов, вспоминал о самарской степи и квартире-кочёвке в башкирском селе Каралык: "Кибитка была большая, с целую просторную избу, круглообразная, построена была на каких-то колышках и перекладинах, покрыта и обтянута довольно свежими войлоками". Лев Николаевич пил кумыс, слушал песни башкир, играл с ними в русские и местные игры, боролся, словом, рад был сбросить с себя условности светской жизни.

В письме к жене уже из второй поездки в эти места в июне 1871 года Толстой со своей обычной аналитичностью отмечает обычное для этих мест: "То, на что я жаловался, тоска и равнодушие прошли; чувствую себя приходящим в скифское состояние, и все интересно и ново. Скуки не чувствую никакой... Ново и интересно многое: башкиры, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и доброте народа. Я купил лошадь за 60 рублей, и мы ездим с Стёпой (*братом жены, — В. К.*)... Я стрелял уток, и мы ими кормимся... Ничего вредного самому не хочется; ни усиленных занятий, ни курить... ни чая, ни позднего сиденья".

К Фету через несколько недель: "... как следует при кумысном лечении, с утра до вечера пьян, потею и нахожу в этом удовольствие. Здесь очень хорошо и значительно всё... Край здесь прекрасный, по своему возрасту только что выходящий из девственности, по богатству, здоровью и в особенности по простоте и неиспорченности народа.

Я — как и везде, примериваюсь, — не купить ли имение. Это мне занятие и лучший предлог для узнавания настоящего положения края".

Имение Лев Николаевич купил на пересыхающей речке Тананык, притоке Бобровки, впадающей в Бузулук. И после организационной летней поездки 1872 года на следующую весну приехал сюда уже всей семьёй.

"Рядом с плохоньким деревянным домиком, — вспоминал сын Толстого Илья. — в степи были разбиты две... кибитки, в которых жил наш башкирец Мухамедшах Романыч с своими жёнами... Кумыс был невкусный, кислый, но папа и Стёпа его любили и пили понемногу. Придут они, бывало, в кибитку, садятся, скрестивши ноги на подушки, разложенные полукругом на персидском ковре, Мухамедшах Романыч приветливо улыбается своим безусым старческим ртом, и из-за занавески невидимая женская рука пододвигает полный кожаный турсук кумыса. Башкирец болтает его особенной деревянной мешалкой, берёт ковш карельской берёзы и начинает торжественно наливать белый, пенный напиток по чашкам. Чашки тоже карельской берёзы, но всё разные... Папа берёт самую большую чашку обеими руками и, не отрываясь, выпивает её до конца... Часто за один присест он выпивает по восемь чашек и больше".

Этим летом разразилась страшная засуха, последствия которой поразили писателя. После двух предшествующих неурожайных лет эта засуха для многих крестьянских семей

обернулась голодом. Публицист А. Пругавин рассказал, как Толстой "обходил наиболее нуждающиеся крестьянские дворы, с каким вниманием входил он в их интересы и нужды, как он помогал беднякам, снабжая их хлебом и деньгами".

Опубликованное Толстым в "Московских ведомостях" письмо о самарском голоде было "громом, заставившим всех перекреститься", — начались частные пожертвования в пользу голодающих. Однако государственно программы их спасения принято не было.

Почти ежегодно с семьёй или ближайшими родственниками Толстой посещает "тихий приют в самарских степях". Он дважды приезжает на Бузулукскую ярмарку, о которой писал жене, что "такой настоящей, сельской и большой ярмарки я не видел ещё. Разных народов больше 10, табуны киргизских лошадей, уральских, сибирских".

В 1876 году, задумав конный завод, он, один из первых пассажиров Самаро-Оренбургской "чугунки", едет в Оренбург для покупки лошадей. В этой поездке знакомится с оренбургским купцом Деевым, по определению писателя, из "очень интересных людей". Деев подарил Толстому тигровую шкуру. Здесь же писатель встретился с сослуживцем по Крымской войне бывшим начальником штаба артиллерии, а теперь оренбургским генерал-губернатором Н. А. Крыжановским. Об этих днях Толстой сообщил жене: "Очень интересно".

Лев Николаевич покупает и второй участок земли на речке Моче — в 4000 десятин, занимается земледелием и конезаводством. но жизнь помещика начинает приходить в противоречие с собственным "толстовством" — идеями о жизнеустройстве на принципах коммуны, хозяйственная его деятельность идёт на спад. Летом 1883 года Толстой в десятый — и последний — раз приезжает в самарские степи.

Творческие замыслы Толстого, связанные с Оренбургским краем, например, роман "Декабристы", где прототипом главного героя должен был стать В. А. Перовский, остались в набросках, письмах, дневниках. На революционера Е. Е. Лазарева из Грачёвки похож, как утверждает С. Л. Толстой, Набатов из "Воскресения".

Животворность оренбургских поездок Толстого видится в другом. "Воздух здешних мест", говоря словами нашего современника, их девственные просторы и "скифская" простота жизни стали как бы и "соавторами", и гармоничным фоном для писателя в пору создания им "Казаков", "Войны и мира", "Анны Карениной", "Воскресения", придали его прозе эпическое дыхание и нравственное здоровье.

ПРИМЕЧАНИЯ

с.3

Рычков Петр Иванович — [1(12).10.1712, Вологда, — 15(26).10.1777, Екатеринбург], русский ученый, автор трудов по географии, экономике, истории. Родился в купеческой семье. Первый член-корреспондент Петербургской Академии наук (1759). С 30-х годов XIX в. служил в Оренбургском крае. В 1734-1737 гг. участвовал в Оренбургской экспедиции под руководством И. К. Кирилова, затем В. Н. Татищева. Основной труд — "Топография Оренбургская..." (2 ч., 1762), являющийся пояснительным текстом к составленным в 1755 г. И. Красильниковым картам Оренбургской губернии и представляющий одну из первых региональных сводок, где дано подробное историческое и географическое описание края. Эта работа имела большое значение для зарождения в России экономической географии. Рычкову принадлежат также работы по истории, экономике, этнографии народов Поволжья, Урала, Прикаспия.

Перовский Василий Алексеевич — [9(20).2.1795, г. Почеп ныне Брянской обл., — 8(20).12.1857, Алупка], русский военный деятель, генерал-адъютант (1833), генерал от кавалерии (1843), граф (с 1855). Побочный сын А. К. Разумовского. Окончил Московский университет и школу колонновожатых (1811). Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и 1851-1857 гг. — военный губернатор

Оренбургской губернии и командир Отдельного Оренбургского корпуса. Руководил походом 1839-1840 гг. в Хиву, окончившимся неудачей. В 1853 г. русские войска под командованием Перовского заняли крепость Ак-Мечеть (Форт-Перовский, позже г. Перовск, ныне Кзыл-Орда), построили ряд укреплений на реке Сырдарья, что наряду с созданием Аральской военной флотилии способствовало в дальнейшем завоеванию Кокандского ханства.

с.4

Брюллов Карл Павлович — [12(23).12.1799, Петербург, — 11(23).6.1852, Марчано, близ Рима), русский живописец. Сын резчика по дереву. Учился в Петербургской Академии художеств (1809-1821). В 1823-1835 гг. работал в Италии, в 1835 г. вернулся в Россию, с 1836 г. профессор Петербургской Академии художеств. В 1849 г. жил на о. Мадейра, с 1850 г. — вновь в Италии. Основное произведение — картина "Последний день Помпеи" (1830-1833 гг.). В 1837 г. написал портрет В. А. Перовского (хранится в Третьяковской галерее).

Брюллов Александр Павлович — [29.11(10.12).1798, Петербург, — 9(21).1.1877, там же], русский архитектор, рисовальщик, акварелист. Брат К. П. Брюллова. В 1810-1821 гг. учился в Петербургской Академии художеств. Затем изучал архитектуру в Италии и Франции. С 1831 по 1871 г. преподавал в Академии художеств, с 1831 г. — академик и профессор. Построил Михайловский театр, здание штаба гвардейского корпуса в Петербурге, Пулковскую обсерваторию и др. Представитель позднего классицизма.

Татищев Василий Никитин — [19(29).4.1686, ок. Пскова, — 15(26).7.1750, с. Болдино, ныне в Солнечногорском районе Московской обл.], русский государственный деятель, историк. Окончил в Москве Инженерную и артиллерийскую школу. Участвовал в Северной войне 1700-1721 гг., выполнял различные дипломатические поручения Петра I. В 1720-1722 гг. и в 1734-1737 гг. управлял казенными заводами на Урале, основал г. Екатеринбург. В 1741-1745 гг. — астраханский губернатор. Создал обобщающий труд по отечественной истории, написанный на основе многочисленных русских и иностранных источников — "Историю Российскую с самых древнейших времен" (кн.1-5, М., 1768-1848), составил первый русский энциклопедический словарь.

с. 17

Бутаков Алексей Иванович — (7(19).2.1816, Кронштадт, — 28.6(10.7).1869, Швальбах, Германия), русский моряк и путешественник, контр-адмирал. В 1840-1842 гг. участвовал в кругосветном плавании на транспортном судне "Або". В 1848 и 1849 гг. производил первые гидрографические исследования на Аральском море. В западной части моря открыл о. Возрождения. В 1850 г. была издана карта Аральского моря. Обследовал также реки Сырдарью и Амударью. В 1857-1859 гг., командуя Аральской военной флотилией, участвовал в походах против Хивы. С 1863 г. служил на Балтийском море. Оставил записки о плавании вокруг света.

с27.

Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич — [1(13).11.1821, Петербург, — 7(19).12.1866, с. Бельское, ныне Красноярского края], русский революционер. Сын врача, дворянин. Окончил Царскосельский лицей (1839 г.) и юридический факультет Петербургского университета (1841 г.). Служил переводчиком в Министерстве иностранных дел. С 1844 г. в доме Петрашевского устраивались собрания, а с 1845 г. еженедельные "Пятницы" с целью демократизации политического строя России. В 1849 г. арестован, приговорен к расстрелу, замененному бессрочной каторгой в Восточной Сибири. С 1856 г. ссыльнопоселенец, жил в Иркутске, организовал газету "Амур". В 1860 г. выслан в Минусинский округ за выступления против местных властей.

Момбелли Николай Александрович — [11(24).2.1823, Новозыбков, — 14(27).12.1902, Владикавказ], деятель русского освободительного движения, петрашевец, поручик лейб-гвардии Московского полка. В 1846 г. организовал литературно-политический кружок офицеров, члены которого интересовались социалистическими

учениями. С осени 1848 г. участник "пятниц" в кружке М. В. Петрашевского. В 1849 г. приговорен к расстрелу, замененному 15 годами каторги в Сибири — в Александровском сереброплавильном заводе. По амнистии 1856 г. отправлен рядовым на Кавказ. В 1859 г. произведен в офицеры. В 1865 г. майор Ширванского полка. Умер в отставке.

Григорьев Николай Петрович — (1822-1886), участник кружка М. В. Петрашевского. Поручик лейб-гвардии конногренадерского полка. Сын генерал-майора. Приговорен к смертной казни и 22 декабря 1849 г. выведен на расстрел в присутствии своего полка. По конфирмации отправлен на Нерчинскую каторгу. В 1856 г. выпущен на поселение. В 1857 г. в состоянии умственного расстройства отдан на попечение родных в Нижний Новгород.

с. 30

Кирилов Иван Кириллович — (1689-1736), русский географ и картограф. Окончил Московскую навигационную школу (в 1707 или 1708 г.). В 1712 г. начал службу в сенате; с начала 1720-х гг. руководил работами по топографической съемке России. Автор первого систематического и экономико-географического описания России — "Цветущее состояние Всероссийского государства" (1727). В 1734 г. опубликовал первый выпуск ("Атлас Всероссийской империи") задуманного им атласа России. В 1734-1737 гг. возглавлял экспедицию, целью которой была постройка Оренбурга и системы укреплений на границе Башкирии.

Неплюев Иван Иванович — [5(15).11.1693, с. Поддубье, ныне Новгородской обл., — 11(22).11.1733, там же], русский государственный деятель. Из бедных новгородских дворян. В 1714 г. поступил в новгородскую математическую школу, затем в Петербургскую морскую академию. Продолжал обучение в Венеции и Испании. В 1720 г. вернулся в Россию, заслужил на экзамене похвальный отзыв Петра I и был назначен главным командиром над строящимися морскими судами в Петербурге. В 1721-1734 гг. — "резидент" (посланник) в Константинополе. В 1742-1758 гг. — наместник Оренбургского края. С 1760 г. — сенатор. Автор записок "Жизнь Ивана Павловича Неплюева, им самим описанная" (1893).

с. 31

Миллер Герард Фридрих — [18(29).10.1705, Херфорд, Вестфалия, — 11(22).10.1783, Москва], историк и археограф, член Петербургской Академии наук (1731). По национальности немец. В 1725 г. приехал в Россию, изучил русский язык. С 1725 г. адъюнкт, с 1731 профессор истории, в 1728-1730 гг. и в 1754-1765 гг. конференц-секретарь Академии наук. В 1733-1743 гг. участвовал в экспедиции по изучению Сибири, обследовал и описал архивы более 20 городов. Наиболее значительный труд — "История Сибири".

Валерий Николаевич Кузнецов Я ПОСЕТИЛ МЕСТА...

Редактор Н. В. Солнцева
Художественный редактор Д. М. Лемко
Технический редактор Т. И. Костенко
Компьютерная верстка В. Ф. Стрекалов

ЛР № 070272 от 19 декабря 1991 г.

Сдано в набор 25.08.95. Подписано в печать 05.09.95. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Таймс".

Объем 2,5 пл. Тираж 3000 С 14.Зак.

"Золотая аллея" 248601 Калуга, пл. Старый Торг, 4
ГП "Полиграфист" 248640, Калуга, пл. Старый Торг, 5

